

"НЕНАВИДИТ ЛИ БОГ АНГЛИЧАН?": ИСТОКИ ФРАНЦУЗСКОГО МОНАРХИЧЕСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Вопрос, вынесенный в название статьи, был задан в 1431 г. Жанне д'Арк членами обвинительного трибунала. Казалось бы, это совершенно праздный интерес, ведь с позиции средневекового христианского учения все люди равно любимы Богом и церковью. Но Жанна, подвиг которой стал для французов символом выполнения патриотического долга, ведомая "национальным чувством", ответила, "что ей ничего не известно о любви или ненависти бога к англичанам и о том, как он поступит с душами, но она твердо знает, что все они будут изгнаны из Франции, кроме тех, кого найдет здесь смерть" [6, р. 169].

Процесс формирования национальной государственности, сопровождавшийся значительными сдвигами в общественном сознании, знаменовавшими складывание нового типа общности - нации, начинается во Франции еще в XII веке. Проблемы формирования и эволюции национального самосознания и патриотизма с давних пор вызывают большой интерес историографии. Итогом этого изучения в западной (труды К. Бон, М.-М. Мартен, Ж. де Лагарда, М. Блока, Э. Канторовича) и российской (работы В.И. Райцеса, Н.А. Хачатурян, Н.И. Басовской, Ю.П. Малинина) медиевистике стало подробное и убедительное изложение многих аспектов интересующего нас вопроса.

Однако преимущественное внимание историков было посвящено анализу национальных чувств французов и патриотических монархических теорий второй половины XIV - XVI вв. Большинство авторов, говоря об истоках патриотических настроений, отсылает читателя к эпохе Филиппа Красивого (1285-1314), констатируя, что именно в доктрине королевских легистов черпала свое вдохновение монархическая мысль последующих столетий. К сожалению, созданная королевскими легистами концепция французской монархии, ставшая основой для последующих классических абсолютистских теорий, еще не получила должной известности. Именно поэтому данную статью мы посвятим анализу национальных патриотических идей, порожденных окружением Филиппа IV.

Прежде всего, стоит сделать несколько методологических уточнений. Первое из них связано с трактовкой термина "легисты".

С конца XII века во Франции рост городов, развитие товарно-денежных отношений, процесс политической централизации привели королевскую власть к осознанию необходимости унификации права, созданию новой политико-правовой доктрины. Это повлекло за собой и кадровые изменения в местном и центральном аппарате управления. На политическую арену вышли ученые юристы, или, как их тогда называли, легисты.

Влияние легистов заметно усилилось при внуке Людовика Святого - Филиппе IV Красивом. При нем юристы составили многочисленную армию должностных лиц, заполнивших административный, финансовый и судебный аппарат государства.

Среди королевских юристов необходимо выделить две группы. Первую представляют так называемые "правоведы" (наиболее известным из них является Филипп Бомануар), для творческого наследия которых характерно повышенное внимание сугубо к вопросам права и проблемам его применения в судопроизводстве. Именно из записей обычного права, составленных правоведами, историко-мемуарная литература XIII - начала XIV в., обращенная к широким слоям светского общества, черпала новые общественные идеи.

Вторую группу составляют собственно легисты, многие из которых в XIII-XIV вв. были выходцами с Юга, продвигались по королевской службе благодаря прекрасному знанию римского и канонического права и личной активности. Их преданность короне и служебное рвение возрастали еще больше, когда эти люди достигали высоких постов и получали рыцарское достоинство. Римско-византийская правовая традиция служила легистам лишь отправной точкой для

политических построений в проабсолютистском духе. Фактически, это тип не адвоката или судьи, занимающегося практикой, а юриста-политика, который мог быть приближенным советником монарха, активно заниматься политической деятельностью (например, как Пьер Флотт, Гийом де Ногаре, Гийом де Плезиан) или пытался донести свою точку зрения по наиболее актуальным вопросам политической жизни до короля и общественности, не занимая при этом высоких постов (например, как Пьер Дюбуа).

Деятельность французских легистов эпохи Филиппа IV Красивого стала составной частью второго этапа рецепции римского права, который проходил в XIII-XV веках и свое законченное выражение нашел в работах постглоссаторов (или комментаторов). Вольно трактуя ряд правовых идей и конструкций из *Corpus juris civilis*, легисты изменили феодальные правовые установки таким образом, чтобы последние давали преимущество центральной власти.

Во-вторых, следует провести четкое различие между национальным и патриотическим сознанием. Под национальным сознанием подразумевается осознание причастности к той или иной социальной общности, объединяемой общим местом происхождения, общей родиной и языком и представления о качествах людей своей нации, благодаря которым они отличаются от представителей других наций. Суть патриотизма заключается в понимании нравственного долга и обязательств перед национальной общностью. При этом определение и обоснование этих обязательств не имеют национальной окраски.

И, наконец, необходимо обозначить степень влияния "идей" на ментальные категории человека Средневековья.

Долгое время в отечественной историографии развитие социально-политической мысли упрощенно представлялось как результат отражения в социальном сознании происходивших в реальной жизни перемен. Но общественная мысль одновременно является и активным фактором, влияющим на развитие общественных структур. Так называемая "ученая" литература (сочинения философов, теологов, легистов) происходит из высшего слоя французского общества и отражает свойственные ему идеи и склад мышления. Эти представления являются "верхним слоем" социального сознания, но именно они служили источником вдохновения для "массовой" литературы, обращенной к широким слоям светского общества и популяризовавшей новые мировоззренческие ценностные понятия. Низшие социальные слои, существовавшие в условиях устной культурной традиции, оперировали только примитивными формами этих воззрений.

На пути распространения новых национальных и патриотических идей во Франции рубежа XIII-XIV столетий было достаточно препятствий.

Изначально средневековому христианско-феодальному сознанию понятие "патриотизм" было глубоко чуждым. Система ценностей того времени признавала моральные обязательства человека по отношению к Богу и людям, но никак не к стране и уж тем более не к государству. Рыцарская этика налагала на дворянина обязательства только по отношению к сеньору/вассалу и ко всем представителям благородного сословия, независимо от национальности и политической принадлежности.

Массовые пласты общественного сознания с большим трудом усваивали новые теоретические построения, поскольку во французском языке тогда не существовало в современном значении и таких базовых понятий как "нация" и "Родина".

Используемое легистами понятие "нация" как во французской, так и латинской форме употреблялось ими преимущественно в традиционном средневековом значении. Термином "natio" ("nation") обозначались разные группы населения, которые объединялись местом рождения и проживания (например, жители какой-либо области или провинции, студенческие землячества). Это же слово могло использоваться и для обозначения жителей всего французского королевства, но в тех случаях, когда они противопоставлялись населению других стран.

Для обозначения французского государства использовались термины "regnum", "Francia", "Gallia". Слово "patria", не имевшее аналога во французском средневековом языке, использовалось редко и переводилось словом "pays", обычно употреблявшемся в значении "место или

область, где человек родился". Если автор желал указать на значение "родная страна, родина", то в текстах использовалась громоздкая конструкция "terre natalis" ("pays natal") [например, см.: 2].

И, наконец, активное навязывание новых патриотических идей различным слоям населения, несмотря на отлаженный механизм манипулирования общественным мнением, сталкивалось с сопротивлением, обусловленным общественным недовольством королевской фискальной политикой.

С другой стороны, в "распоряжении" королевских юристов было два краеугольных камня для возведения монархического патриотического конструкта - национальные чувства и представления о сакральности короля, являвшиеся массовыми и традиционными в анализируемую эпоху. К. Бон отмечает, что чувства привязанности и любви к "милой Франции" фиксируются уже в памятниках французского героического эпоса и характерны для всех пластов средневекового общественного сознания [7, р. 311]. Столь же популярными являлись и легенды о Священном сосуде и королевском исцелении, сформировавшие представление о короне и ее носителе как о драгоценнейших из французских реликвий [подробнее см.: 10].

Окружением Филиппа IV Красивого была предложена национальная идея о богоизбранности и святости суверенного французского королевского дома, переходящей милостью Бога и на все королевство и на весь народ.

Филипп Красивый предстает в их построениях "суверенным королем", единственным полноправным правителем Франции. Французский монарх - носитель высшей судебной власти ("высшая власть в исполнении справедливости", "ангел Бога") [3, р. 31]. Его прямой задачей и обязанностью является забота о чистоте и процветании церкви. Легисты называют короля "защитником церкви", "поборником и столпом веры" [5, р. 517]. Филипп держит свою власть от Бога ("... забота и защита церкви была вверена Христом...") [4, р. 239], по обычаю предков ("Господин наш король - прямой потомок французских монархов, которые начиная с далекого предка господина нашего Пипина Короткого все были людьми богобоязненными, пламенными и стойкими защитниками истинной веры и Святой матери-церкви.") [5, р. 518].

Вдобавок Филипп обладает особым "королевским достоинством", к сути которого относится также истребление ереси [3, р. 33]. Защищая государство и римскую церковь от возможных ответных действий "еретиков", король может использовать против них даже военную силу ("действовать военной рукой") [4, р. 246].

Никакое ограничение королевской власти в условиях противостояния французской монархии с папством или "чужим" светским государем невозможно. Напротив, всем подданным надо встать на сторону короля: "должно и можно подняться каждому христианину и католику, могущественному воину, ... а также частному лицу, если церковная и светская власти недостаточно эффективны..." [4, р. 243-244].

Особое место легисты отводят обоснованию сакрального характера королевской власти. Начиная с конца XIII века, эта идея активно внедряется в массовое сознание во Франции. В 1297 году происходит канонизация Людовика IX, что сразу делает Филиппа Красивого королем, принадлежащим к святой династии. В церковной практике получают широкое распространение молитвы за короля и проповеди, в которых пропагандируется чудотворная сила правителя.

Ногаре и Плеззиан подчеркивали христианские добродетели короля, которые сближают его с дедом, Людовиком Святым. "Он всегда был строг и целомудрен - как до брака, так и вступив в него. Он всегда отличался особой скромностью и сдержанностью как в облике своем, так и в речах, ничем не проявляя ни гнева своего, ни неприязни к кому-либо, и всех любил. Он воплощение милосердия, доброты, сострадания и благочестия, истинно верующий христианин". Но особо важно указание на способность короля исцелять золотуху возложением рук: "господь творит его руками над страждущими чудеса несомнительные (apertaque miracula Deus infirmis, Deus per manus eius ministrat)" [5, р. 519].

Король в работах легистов предстает и как индивид, и как существо, причастное к сакральной власти. По естественной своей природе король - обычный человек, а по божественной

власти, переданной ему освящением, он - милостью божьей Христос, Богочеловек. Это представление о короле, как образе Христа, активно пропагандировалось и внедрялось в общественное сознание. Именно поэтому вводилась юридическая формула "против короля срок давности недействителен", а королевская казна, домен, регальные права считались неотчуждаемыми.

Однако недостаточно было просто сформулировать и популяризировать национальную идею. Важнейшей задачей являлось и начертание территориальных границ распространения "новой" королевской власти.

Эта задача была решена легистами с помощью натуралистического тезиса о географической среде обитания, складывающейся из земных и небесных условий, предопределяющих национальные характеры.

Пьер Дюбуа, доказывая превосходство французской нации над другими, утверждает, что "в названном королевстве гораздо лучшее расположение звезд и их влияние более благотворно, чем в других землях и королевствах". Поэтому "французы много более рассудительны и в поступках уравновешеннее, чем любые другие нации; им редко или никогда не изменяет здравый рассудок, чего не скажешь про других" [2, р. 129]. Под французами он подразумевал уже всех подданных короля, но все же по традиции выделял Иль-де-Франс, как наиболее благоприятную в природном отношении область, где рождаются люди, осененные особой благодатью природы: "Благодаря доброму расположению и гармонии небесных тел, люди, зачатые, рожденные и воспитанные в королевстве франков, особенно возле Парижа, нравами, твердостью, силой и красотой естественным образом намного превосходят уроженцев других стран" [2, р. 139].

Таким образом, богоизбранность короля милостью Бога переходит на всех королевских подданных ("французов"). Подобные мысли весьма показательны, поскольку являются логическим завершением представления о французах, как о новом народе Израилевом.

Предложенная обществу концепция монархического патриотизма требовала от подданных любви к Отчеству, но эта любовь мыслилась лишь в качестве производной от любви к королю. Эта любовь к королю и Франции обязывала всех французов объединиться вокруг короля и быть готовыми в случае необходимости "пожертвовать и имуществом, и жизнью ради милой Родины" [1, р. 184].

Со второй половины XIV в. требование верности королю стало типичным для самой разнообразной литературы. Этическое понятие "верность" перестает быть узкословным: верность, понимаемая как безусловная покорность и повиновение абсолютному монарху, требовалась уже не только от рыцаря/дворянина, но и от любого подданного.

Во второй половине XIV-XV вв. еще более усиливается народная вера в чудотворную мощь французских королей, окончательно оформляются легенды о сверхъестественном происхождении лилий на королевском гербе и королевского знамени (орифламмы). К культу девяти "совершенных, отважных" героев рыцарства в исторической мифологии французского рыцарства добавляется почитание Бертраана дю Геклена, Жанны д'Арк, Жана ле Менгра, Жана де Бюэ, что является отражением зарождавшегося французского воинского патриотизма.

Созданная на рубеже XIII-XIV вв. концепция монархического патриотизма стала основой для патриотических настроений французов в эпоху Столетней войны, когда "краеугольным камнем патриотизма окончательно становится верность королю" [9, р. 181].

История Жанны д'Арк стала хрестоматийным примером, символом выполнения французами патриотического долга. Но гораздо более любопытным примером этого чувства, когда принадлежность к "французской нации" и наличие "французского подданства" накладывает на человека наивысший долг, служит процесс над Денисой де Верра. Эта женщина, бежавшая из Парижа в подконтрольный англичанам Руан за мужем-иностранцем, отцом ее четверых детей, была приговорена Парижским Парламентом к конфискации имущества за свой поступок с еще буквально столетие назад немыслимой обвинительной формулировкой: "брак был учрежден для рождения потомства, в настоящем случае отпрыски будут враждебны королю и послужат усилению могущества англичан". [8]

Источники

1. Dubois P. Quaedam proposita papae rege super facto templariorum // Boutaric E. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque imperiale. Paris, 1862. T. XX. Part.2. Document XXIX. P. 182-186.
2. Dubois, P. De recuperatione Terre Sancte. Ed. Ch.-V. Langlois. Paris, 1891.
3. Nogaret G. de. Accusatio in Bonifacium per Guillelmus de Nogareto multem // Documents relatifs aux Etats Généraux et assemblées réunis sous Philippe le Bel. Publ. par G. Picot. Paris, 1901. Document XIII. P. 28-34.
4. Nogaret G. de. Apologia I // Dupuy P. Histoire du différend entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel, roi de France. Paris, 1655. P. 238-251.
5. Nogaret G. de., Plaisian G. de. Apologia VI // Dupuy P. Histoire du différend entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel, roi de France. Paris, 1655. P. 515-521.
6. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc, edite par la Societe de l'histoire de France. Publie par P. Tisset. Paris, 1960. T. I. P. 169.

Литература

7. Beaune C. Histoire de la nation France. Paris, 1985.
8. Bossuat A. L'idée de nation et la jurisprudence du Parltment de Paris ou XV siucle // Revue historique. Paris, T. CCIV. P. 54-61.
9. Martin M.-M. Histoire de l'unité franzaise. L'idée de patrie en France des origines a nos jours. Paris, 1982.
10. Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.